

Текст приводится по изданию:

*Марк Туллий Цицерон. РЕЧИ В ДВУХ ТОМАХ. Том первый (81-63 гг. до н.э.). Издание подготовили В. О. Горенштейн, М.Е. Грабарь-Пассек. Издательство Академии Наук СССР. Москва 1962.
Перевод В. О. Горенштейна*

Марк Туллий Цицерон

ВТОРАЯ РЕЧЬ О ЗЕМЕЛЬНОМ ЗАКОНЕ НАРОДНОГО ТРИБУНА ПУБЛИЯ СЕРВИЛИЯ РУЛЛА

[К народу, 2 (?) января 63 г.]

(I, 1) Согласно обычаю и установлениям наших предков, квириты, те люди, которые достигли права выставлять изображения своих отцов благодаря милостям с вашей стороны¹, в первой же своей речи перед народом выражают вам свою благодарность за оказанную милость и воздают хвалу своему роду. Произнося эту речь, некоторые из них иногда сами оказываются достойными того положения, какое занимали их предки; но большинству из них удастся достигнуть лишь того, что начинает казаться, будто долг народа перед их предками столь значителен, что за счет него можно вознаградить и потомков. Но у меня, квириты, возможности говорить о предках нет — не потому, что они были не такими, каким вы видите меня, происшедшего от их плоти и крови и воспитанного по их заветам, но потому, что хвалы народа и блеск почестей, которые вы оказываете, были неведомы им. (2) Если я стану говорить перед вами о себе самом, то это может вам показаться дерзким самохвальством, а если промолчу, то — неблагодарностью. Ибо, с одной стороны, упоминать о тех усердных трудах, какими я достиг этого высокого положения, мне очень неловко, а с другой стороны, молчать о ваших таких больших милостях я никак не могу. Поэтому я в своей речи буду

соблюдать разумную умеренность и расскажу о том, чем я обязан вам; о том, почему вы меня сочли достойным величайшего почета и исключительно высокого суждения, я сам скромно упомяну, если будет нужно; я склонен думать, что обо мне составят себе мнение те же люди, которые уже вынесли свое суждение.

(3) Я — новый человек², которого вы, впервые на нашей памяти, после очень долгого промежутка времени³, избрали в консулы. К тому званию, которое знать всячески обороняла и ограждала валом, вы, под моим водительством, пробили путь и сделали его впредь открытым для доблести. При этом вы меня не только избрали консулом, что чрезвычайно почетно само по себе, но избрали так, как в нашем государстве были избраны консулами из знатных людей лишь немногие, а из новых людей — до меня ни один. (II) И в самом деле, если вы пожелаете вспомнить случаи избрания новых людей, то окажется, что те из них, которые были избраны в консулы, не потерпев поражения на выборах, были избраны благодаря своим продолжительным усилиям или какому-либо благоприятному случаю⁴ причем они участвовали в соискании через много лет после своей претуры — гораздо позже, чем им позволяли их возраст и наши законы⁵; что те, кто участвовал в соискании "в свой год", были избраны в консулы только после того, как потерпели неудачу; что я — единственный из всех новых людей, которых мы можем припомнить, кто участвовал в соискании консульства, как только это стало возможным по закону, и был избран консулом при первом же соискании, так что почет, оказанный мне вами и достигнутый мною в положенный мне срок, представляется не случайно выпавшим на мою долю в связи с неудачным соисканием другого человека и не выпрошенным долгими мольбами, а достигнутыми моими заслугами.

(4) Все, о чем я только что говорил, квириды, для меня чрезвычайно почетно: мне первому из новых людей вы, по прошествии многих лет, оказали эту честь; вы оказали ее мне при первом же моем соискании, "в мой год"; но самое прекрасное и лестное для меня то, что во время моих комиций вы не табличками, этим безмолвным залогом свободы, но громкими возгласами выразили свое расположение ко мне и свое рвение. Таким образом, я был объявлен консулом не после окончательного подсчета голосов, но в первом же вашем собрании, не голосами отдельных глашатаев, а единым голосом всего римского народа⁶.

(5) Эта столь необычайная, столь исключительная милость с вашей стороны, квириды, приносит мне величайшее удовлетворение и радость, но еще сильнее призывает меня к бдительности и неусыпным заботам. Ибо меня, квириды, терзают разные гнетущие мысли, ни днем, ни ночью не дающие мне покоя, — прежде всего забота о том, чтобы соблюсти достоинство своего консульства, задача трудная и важная для всех людей, а для меня особенно; ведь мне, в случае ошибки, пощады не будет, а за правильные действия меня похвалят скупно и нехотя; в случае сомнений знатные люди не дадут мне доброго совета, а в случае затруднений не окажут надежной поддержки. (III, 6) Если бы какая-либо опасность угрожала мне одному, то я, квириды, принял бы это более спокойно; но есть, мне кажется, определенные люди, которые, если они сочтут, что я в чем-либо погрешил и не только преднамеренно, но даже случайно, станут порицать всех вас, оказавших мне предпочтение перед знатью. Что касается меня, квириды, то я готов скорее претерпеть все что угодно, лишь бы только исполнять свои обязанности консула так, чтобы люди, видя все мои поступки и решения, прославляли ваш поступок и ваше решение, касавшееся меня. К тому же мне, при исполнении консульских обязанностей, предстоят величайшие усилия и труднейшая задача, так как я решил руководствоваться не теми правилами и положениями, какими руководствовались прежние консулы: одни из них всячески избегали выходить на это место⁷ и встречаться с вами, а другие к этому не особенно стремились. И я буду говорить так не только с этого места, где легче всего говорить именно так, но даже и в сенате, где, казалось бы, не место для таких речей, я в первой своей речи, в январские календы, сказал, что буду консулом, верным воле народа.

(7) Ведь я хорошо знаю, что я избран в консулы не стараниями могущественных людей, не ввиду исключительного влияния меньшинства, а по решению всего римского народа, причем мне было оказано значительное предпочтение перед знатными людьми. Поэтому я, в своих действиях, не могу не быть верным воле народа и в этой деятельности консула, и в течение всей своей жизни. Но для истолкования смысла этих слов я очень нуждаюсь в вашей мудрости; ибо повсюду распространено глубокое заблуждение, связанное с коварным притворством некоторых людей, которые, нападая и посягая не только на благополучие, но даже на безопасность народа, хотят снискать своими речами славу людей, верных народу.

(8) Каково было положение государства, квинтиты, когда я в январские календы приступил к своим обязанностям, я знаю хорошо: все были в тревоге и в страхе, не было такого зла, не было такого несчастья, которого бы не опасались честные и не ожидали дурные люди; ходили слухи, что против нынешнего положения государства и против вашего спокойствия мятежные замыслы частью составляют, частью, в бытность нашу избранными консулами, уже составлены⁸. На форуме был подорван кредит, не вследствие какого-либо внезапного нового несчастья, а ввиду недоверия к суду, нарушения правосудия, неисполнения уже вынесенных приговоров. Говорили, что намечаются какие-то новые, необычные виды владычества — уже не экстраординарный империй⁹, а царская власть¹⁰.

(IV, 9) Не только подозревая, но и ясно видя это (ведь все это происходило отнюдь не тайно), я сказал в сенате, что я, исполняя свои должностные обязанности, буду консулом, верным народу. И в самом деле, что в такой степени дорого народу, как мир? Ему, мне кажется, радуются не только существа, от природы наделенные разумом, но даже дома и поля. Что так дорого народу, как свобода? Ее, как видите, ценят более всего другого не только люди, но и звери. Что в такой степени дорого народу, как спокойствие? Оно столь приятно, что и вы, и предки ваши, и любой из храбрейших мужей согласны на величайшие труды — с тем, чтобы рано или поздно достигнуть спокойствия, особенно при наличии власти и достоинства. Более того, мы потому должны особенно прославлять и благодарить наших предков, что именно после их трудов мы можем в безопасности наслаждаться спокойствием. Как же я могу не быть сторонником народа, квинтиты, видя, что все это — мир на наших границах, свобода, неотделимая от вашего рода и имени, спокойствие внутри страны, словом, все то, что дорого и важно для вас, вверено мне и, так сказать, отдано под мое попечение как консула? (10) Ибо вам, квинтиты, не следует прельщаться и считать полезным для народа провозглашение какой-то раздачи земель, которую на словах обещать легко, а осуществить на деле возможно только ценой полного истощения эрария. Ведь поистине никак нельзя признать полезным для народа потрясение основ правосудия, неисполнение вынесенных приговоров, восстановление осужденных в их правах; именно эти крайние средства приводят гибнущие государства к окончательному крушению. И тех людей, которые обещают римскому народу землю, но, тайно замышляя одно, подают ложные надежды и притворно сулят другое, нельзя считать сторонниками народа.

(V) Ибо — скажу откровенно, квинтиты! — проведение земельных законов как таковых я порицать не могу. Ведь я вспоминаю, что двое прославленных, умнейших и глубоко преданных римскому плебсу мужей, Тиберий и Гай Гракхи, поселили плебс на государственных землях, которыми ранее владели частные лица. Ведь сам я, конечно, не из тех консулов, которые — а таких большинство — считают преступлением хвалить Гракхов, чьи замыслы, мудрость и законы, как я вижу, способствовали устройению многих государственных дел¹¹.

(11) Поэтому, как только мне, в бытность мою избранным консулом¹², сообщили, что избранные народные трибуны составляют земельный закон, я пожелал узнать их замыслы. Я действительно думал, что, коль скоро нам предстоит исполнять свои должностные

обязанности в один и тот же год, между нами должно быть какое-то единение на благо государству. (12) В то время как я по-дружески пытался завязать с ними разговор, они от меня прятались и меня избегали, а когда я давал понять, что в случае, если закон покажется мне полезным для римского плебса, я буду его сторонником и буду способствовать его принятию, то они все-таки пренебрегли этим моим благожелательным предложением; по их мнению, не было никакой возможности добиться от меня согласия на какую-либо раздачу земли. Я перестал предлагать им свои услуги, чтобы мое усердие, чего доброго, не показалось им коварством или же навязчивостью. Между тем они не переставали тайно собираться, приглашать кое-кого из частных лиц и устраивать тайные собрания под покровом ночи и в уединенных местах. О страхе, какой это у меня вызвало, вы легко составите себе представление, вспомнив о той тревоге, которую испытывали в то время и вы. (13) Наконец, народные трибуны приступили к исполнению своих обязанностей; все ждали, что Публий Рулл выступит на народной сходке с речью, так как он был автором закона и держался более грозно, чем другие. Едва он был избран, как уже постарался иначе глядеть, иным голосом говорить, иначе ходить; в поношенной одежде, неопрятный и препротивный на вид, с лохматыми волосами и длинной бородой, он, казалось, своим взором и своей внешностью возвещал всем, сколь он будет своевластен как трибун, и угрожал государству. Я ждал, каков будет его закон и что он наговорит на народной сходке. Сначала он не предложил никакого закона, а народную сходку велел созвать в канун ид. Народ в большом нетерпении сбегался на сходку. Рулл выступил с очень длинной речью и сказал много превосходных слов. Речь его, по-моему, страдала лишь одним недостатком: в такой большой толпе собравшихся нельзя было найти человека, который бы понимал, что он говорил. Сделал ли он это с какой-либо коварной целью, или же именно такой род красноречия ему доставляет удовольствие, — не знаю. Все же более догадливые из присутствовавших на сходке заподозрили, что кое-что насчет земельного закона он все-таки хотел сказать. Наконец, когда я еще был избранным консулом, запись текста закона выставили в общественном месте¹³. По моему приказанию, туда одновременно поспешили несколько писцов и доставили мне переписанный текст закона.

(VI, 14) Искренно заверяю вас, квириды, что я приступил к чтению и изучению закона с желанием — если найду его пригодным и полезным вам — быть его сторонником и способствовать его проведению. Ведь не по велению природы, не по склонности к распрям и не по какой-то застарелой ненависти ведется искони война между консульством и трибуналом; дело в том, что бесчестным народным трибунам честные и храбрые консулы очень часто противодействовали, а народные трибуны своей властью не раз давали отпор произволу консулов. Не различие в характере власти, а расхождение во взглядах порождает раздоры. (15) И вот, я взял текст закона в руки, воодушевленный желанием признать его соответствующим вашим интересам, в надежде найти его таким, чтобы консул, сторонник народа на деле, а не на словах, мог с чистой совестью и охотно защищать его. Но, начиная с первой же главы закона и до самого его конца, квириды, я вижу, что все это задумано, предпринято и проведено только для того, чтобы установить власть десяти царей над эрарием, доходами, всеми провинциями, над всем государством, над царствами и независимыми народами, словом, над всем миром, и что все это делается под лживым предлогом проведения земельного закона. Заверяю вас, квириды, на основании этого пресловутого земельного закона, будто бы составленного ради блага народа, вам не дают ничего, но определенным людям отдают все; римскому народу сулят земли, но лишают его даже свободы; богатства частных людей увеличивают, государственную казну вычерпывают до дна; наконец, — и это самое возмутительное — именно народный трибун, которому предки наши повелели быть оплотом и стражем свободы в нашем государстве, устанавливает царскую власть! (16) Если все, что я изложу вам, квириды, покажется вам неверным, то я подчинюсь вашему авторитету и изменю свое мнение; но если вы поймете, что под видом раздачи земли злоумышляют против вашей свободы, то без колебаний защищайте свободу, завоеванную для вас вашими предками; ведь они, пролив реки

пота и крови, передали ее вам, а с помощью вашего консула вам удастся без труда защитить ее.

(VII) Первая глава земельного закона, по их замыслу, направлена на то, чтобы осторожно выяснить, как вы можете отнестись к ограничению своей свободы. Закон велит народному трибуну, автору этого закона, произвести выборы децемвиров семнадцатью трибами — с тем, чтобы всякий, кому отдадут свои голоса девять триб, был децемвиром. (17) В этой связи я и спрашиваю, по какой причине Рулл — в своих действиях и законодательстве — начал с того, что лишил римский народ права голоса. Ведь для проведения земельных законов уже столько раз назначали исполнителей в лице триумвиров, квинквевиров, децемвиров; я и спрашиваю трибуна, этого сторонника народа, были ли они когда-либо избраны иначе, как тридцатью пятью трибами. И в самом деле, если все виды власти, все империи, все заведования¹⁴ должны исходить от римского народа в целом, то это особенно относится к тем из них, которые устанавливаются для пользы и выгоды римского народа, когда, с одной стороны, все сообща избирают человека, который, по их мнению, проявит наибольшую заботу о римском народе, с другой стороны, всякий, своим усердием и подачей своего голоса, может проложить себе путь к получению преимуществ. Но этому народному трибуну пришлось на ум лишить права голоса римский народ в целом, и лишь несколько триб (притом не на основании определенных правовых установлений, а по случайной милости жребия) призвать к осуществлению их прав свободных людей.

(18) *"Условия и способ избрания, — говорится во второй главе, — будут такие же, как при избрании верховного понтифика комициями"*¹⁵. Этот человек не понял даже вот чего: предки наши были такими сторонниками народа, что, согласно их постановлению, тот, кого, вследствие святости обрядов, нельзя было избирать народным голосованием, все же, ввиду важности его жреческой должности, получал одобрение народа. То же самое предложил насчет других жреческих должностей прославленный муж, народный трибун Гней Домиций: так как народ в целом, по религиозным уставам, жреческих должностей предоставлять не мог, Домиций и предложил, чтобы все же меньшая часть народа к голосованию привлекалась; тот, кто будет избран этой частью народа, будет принят и коллегией¹⁶. (19) Поймите, как велика разница между народным трибуном Гнеем Домицием, знатнейшим человеком, и Публием Руллом, который, пожалуй, издевался над вами, причисляя себя к знати. То, чем, по правилам религии, народ ведать не мог, Домиций, насколько это было возможно, насколько это допускал божеский закон, насколько это было дозволено, постарался все же предоставить известной части народа. А то, что всегда было достоянием народа, чего никто не умалял, никто не изменял — с тем, чтобы люди, которые должны были раздавать народу землю, сперва сами получили милость от народа, а потом оказывали ему услугу — Рулл и попытался целиком отнять у вас и вырвать у вас из рук. То, что никак нельзя было предоставить народу, Домиций все же в какой-то мере ему дал; а Рулл, наоборот, то, что никакими ухищрениями отнять невозможно, все же каким-то способом хочет вырвать.

(VIII, 20) Меня спросят, что он имел в виду, совершая такую большую несправедливость и проявляя такое бесстыдство. Ему не хватило не замыслов; преданности римскому плебсу, квириты; уважения к вам и к вашей свободе — вот чего не хватило ему. Ведь он хочет, чтобы тот человек, который предложил закон, и руководил комициями по выбору децемвиров. Скажу еще яснее: Рулл, этот человек ничуть, конечно, не жадный и не честолюбивый, хочет, чтобы комиции созвал сам Рулл. Впрочем, пока еще я не порицаю его; мы уже видели, что так поступали и другие; но смотрите, к чему клонится этот беспримерный замысел — эти выборы, в которых участвует меньшая часть народа. Он созовет комиции; он же захочет объявить избранными тех, для кого, в силу этого закона, испрашивается царская власть; народу в целом и сам он не доверяет, и те, кто все это задумал¹⁷, с полным основанием не считают возможным довериться народу. (21) Трибы назначит по жребию все тот же Рулл. Ему повезет, конечно, и

он допустит к голосованию те трибы, какие захочет допустить. Те, кого изберут децемвирами девять триб, собранные по выбору того же самого Рулла, будут у нас, как я сейчас докажу, владыками над всем. Эти люди, конечно, признают себя в долгу перед своими знакомыми из этих девяти триб и захотят их отблагодарить за полученные от них beneficia; что же касается остальных двадцати шести триб, то децемвиры сочтут себя вполне вправе отказывать им решительно во всем. Итак, кого же, наконец, хочет он видеть децемвирами? Во-первых, себя самого. А на каком основании? Ведь существуют древние законы и притом предложенные не консулами (если это, по вашему мнению, имеет значение), а трибунами, очень желанные и угодные вам и вашим предкам: есть Лициниев закон и другой — Эбуциев, согласно которому не только тот, кто внесет предложение о каком-либо заведовании и должностных полномочиях, но и его коллеги, родственники и свояки не допускаются к занятию этих должностей и к этому заведованию. (22) И в самом деле, если ты заботаешься о народе, отведи от себя подозрение, что ты ищешь какой-либо личной выгоды, докажи, что добиваешься одной только пользы и блага для народа; пусть другие получают власть, а ты — благодарность за свою услугу. Ибо иное положение вещей едва ли подобает независимому народу, едва ли к лицу вам при благородстве вашей души.

(IX) Кто предложил закон? Рулл. Кто лишил большую часть народа права голосовать?

Рулл. Кто председательствовал в комициях, кто к голосованию призвал трибы, какие хотел, произведя жеребьевку без участия наблюдателя¹⁸; кто объявил об избрании децемвирами тех людей, каких хотел? Все тот же Рулл. Кого объявил он избранным первым? Рулла. По-моему, он, клянусь Геркулесом, едва ли заслужит за это одобрение даже у своих рабов, не говорю уже о вас, владыках над всеми народами. Итак, наилучшие законы будут, без всякой оговорки, отменены этим законом; один и тот же человек на основании своего же закона будет добиваться для себя заведования; он же, лишив большую часть народа возможности голосовать, созовет комиции; кого захочет, в том числе и самого себя, он объявит избранными и, разумеется, не отвергнет и своих коллег, поддержавших земельный закон и поставивших его имя на первое место в заглавии и вводной части закона; все другие выгоды, полученные от успеха этого закона, они, связанные круговой порукой, поделят между собой поровну.

(23) Но обратите внимание на его предусмотрительность, если вы полагаете, что все это придумал Рулл или что это могло прийти на ум именно Рулле. Те, которые подстроили все это, поняли, что, если вам предоставить право выбирать из всего народа, то всякое дело, требующее честности, неподкупности, мужества и авторитета, вы без каких бы то ни было колебаний передадите в ведение Гнея Помпея¹⁹. Они понимали, что, коль скоро вы его одного выбрали из числа всех людей, чтобы ему поручить ведение всех войн со всеми народами на суше и на море, то — независимо от того, чем будет сочтено избрание в децемвиры, доверяли ли признаком или почета, — надежнее всего будет доверить это дело и всего справедливее предоставить эти полномочия именно ему. (24) Поэтому закон этот не предусматривает отвода ни ввиду молодости, ни в связи с каким-либо законным препятствием, или с какими-либо полномочиями, или государственной должностью, исполнение которой сопряжено с другими занятиями и законными препятствиями; наконец, этот закон не исключает избрания в децемвиры человека, привлеченного к суду; именно Гнея Помпея отводит он, лишая его возможности быть избранным вместе с Публием Руллом (о других молчу). Ведь Рулл требует личного присутствия для заявления о соискании, чего никогда не было ни в одном законе, даже насчет тех должностных лиц, относительно которых установлен определенный порядок²⁰; цель этого — чтобы вы в случае, если закон будет принят, не придавали Помпея Рулле в качестве коллеги, который бы наблюдал за ним и карал его за алчность.

(X) Теперь я, видя, что вы высоко цените заслуги Помпея и приняли близко к сердцу обиду, наносимую ему этим законом, повторю сказанное мной вначале: царская власть подготавливается этим законом, ваша свобода с корнем уничтожается. (25) А вы как полагали?

Неужели эти несколько человек, раз уж они бросили свои жадные взоры на все ваше достояние, не постараются прежде всего полностью устранить Гнея Помпея от охраны вашей свободы, лишить его власти, не дать ему возможности опекать и защищать ваши интересы? Они поняли и понимают, что если вы, по своей неосмотрительности и из-за небрежности с моей стороны, примете закон, не ознакомившись с ним, то вы впоследствии, ознакомившись с его коварными уловками уже после того, как выберете децемвиров, сочтете нужным противопоставить всем недостаткам этого преступного закона оплот в лице Гнея Помпея. Неужели же это еще недостаточное для вас доказательство того, что определенные лица стремятся к господству и к власти над всем государством, раз вы видите, что тот, кто будет стоять на страже вашей свободы — а это они понимают — лишается возможности получить почетную должность?

(26) Послушайте же теперь, какую и сколь обширную власть предоставляют децемвирам. Прежде всего, их облачают полномочиями на основании куриатского закона²¹. А ведь уже это одно неслыханно и совершенно необычно — на основании куриатского закона предоставлять должность, которую ранее никакие комиции не предоставляли. Далее, Рулл хочет, чтобы претор римского народа, который будет избран первым, предложил этот закон. И как? Так, чтобы децемвират был предоставлен тем людям, которых изберет римский плебс. Он забыл, что плебс никого не избирает²². Итак, всю вселенную опутывает законами человек, который в третьей главе закона забывает, что написано во второй? Теперь-то совершенно ясно, какие права вы получили от предков и какие вам оставляет этот народный трибун. (XI) Предки наши повелели, чтобы о каждом роде должностных лиц вы выносили решение дважды. Ведь когда о цензорах издавался центуриатский закон²³, а о прочих патрицианских должностных лицах — куриатский, то об одних и тех же лицах решение выносили дважды, дабы народ мог взять свое решение обратно, если он раскается в милости, какую он оказал.

(27) Теперь вы, квириты, сохранили только первые два вида комиций — центуриатские и трибутские; куриатские же остались только для совершения авспиций. Но так как этот народный трибун понимал, что никто не может получить в руки власть без повеления народа или плебса, он и утвердил эти полномочия за куриатскими, в которые вы не входите, а трибутские, в которых вы участвуете, упразднил. Таким образом, хотя предки наши повелели, чтобы вы выносили решение в комициях двух родов о каждом отдельном должностном лице, этот сторонник народа не оставил народу возможности вынести свое решение даже в комициях одного рода. (28) Но обратите внимание на его добросовестность и рвение. Он увидел и хорошо понял, что без издания куриатского закона децемвиры не могут обладать властью, так как будут избраны только девятью трибами. Он хочет, чтобы о них был внесен куриатский закон, и велит сделать это претору²⁴. Насколько это нелепо, мне дела нет. Ведь он хочет, чтобы этот куриатский закон внес тот претор, который будет избран первым; если же он не сможет его внести, то это должен сделать претор, избранный последним; таким образом, может показаться, либо он шутил в таком важном деле, либо он имел что-то в виду, но что — неизвестно. Все это настолько ни с чем не сообразно, что вызывает смех, и настолько хитроумно, что непонятно; поэтому оставим это и вернемся к вопросу о его добросовестности. Он видит, что без куриатского закона децемвиры не могут приступить к своей деятельности. (29) Что же произойдет, если этот закон не будет издан? Обратите внимание на его изобретательность. *"Тогда эти децемвиры, — говорит он, — должны обладать такими же правами, какими обладают должностные лица, избранные с соблюдением всех законов"*. Если в таком государстве, как наше, в отношении прав и свобод намного превосходящем другие государства, кто угодно может, без всяких комиций, получить империй или власть, то к чему в третьей главе требовать издания куриатского закона, когда в четвертой ты позволяешь, чтобы децемвиры, без издания куриатского закона, имели такие же права, какие у них были бы, если бы они избирались народом с соблюдением всех законов? Царей, не децемвиров назначают

нам, квириды! Вот что получается из таких начал и исходных положений: когда они начнут действовать и даже как только их назначат, то вашим правам, власти и свободе придет конец.

(XII, 30) Но смотрите, как тщательно Рулл оберегает права народных трибунов. Когда консулы предлагали куриатский закон, народные трибуны не раз совершали интерцессию; все же мы не сетуем на то, что народные трибуны обладают такой властью: только в том случае, если кто-нибудь этими своими полномочиями злоупотребит, мы выносим свое суждение; но этот народный трибун уничтожает право интерцессии при издании куриатского закона, который должен внести претор. Прежде всего заслуживает порицания, что трибунская власть ограничивается по воле народного трибуна; но прямо-таки смешно, что, между тем, как консулу, без проведения куриатского закона, нельзя начальствовать над войском, децемвиру, по отношению к которому интерцессия запрещена, Рулл, даже в случае интерцессии, предоставляет такую же власть, какой он обладал бы, если бы закон был принят; поэтому я и не понимаю, ни почему Рулл запрещает интерцессию, ни почему он думает, что кто-нибудь станет ее совершать, когда интерцессия будет свидетельствовать о глупости лица, совершившего ее, но ничему не помешает.

(31) Итак, пусть будут назначены децемвиры, не избранные ни настоящими комициями, то есть голосованием народа, ни хотя бы комициями, созываемыми для видимости, ради соблюдения древнего обычая, по случаю авспиций, при участии тридцати ликторов. Теперь обратите внимание, насколько полномочия, какими Рулл наделяет людей, не получивших от вас никакой власти, больше тех, какими наделены все мы, которым вы дали величайшую власть. Он велит, чтобы при децемвирах по выводу колоний находились пулларии²⁵ — *"на тех же основаниях"*, — говорит он, — *"на каких они были при тресвирах в силу Семпрониева закона"*²⁶. И ты, Рулл, еще смеешь говорить о Семпрониевом законе, и сам закон этот не напоминает тебе, что эти тресвиры были избраны голосованием тридцати пяти триб? И ты, которому столь чуждо то чувство справедливости и чести, каким обладал Тиберий Гракх, думаешь, что к совершенному на совсем иных началах, следует применять те же правовые положения? (XIII, 32) Кроме того, Рулл предоставляет децемвирам власть, на словах преторскую, в действительности же царскую; он ограничивает ее сроком пятилетием, но делает ее вечной; ибо он подкрепляет ее такими мощными средствами, что отнять ее у них, против их воли, не будет никакой возможности. Затем, он придает им посыльных, писцов, письмоводителей, глашатаев, архитекторов; кроме того, он дает им мулов, палатки, [...] утварь; деньги на расходы он черпает из эрария, берет у союзников; двести землемеров он назначает из всаднического сословия, по двадцати телохранителей — каждому из них; они же будут их прислужниками и приспешниками при осуществлении децемвирами своей власти.

Пока еще перед вами, квириды, один только внешний вид тираннов. Вы видите знаки власти, но еще не самое власть. Кто-нибудь, пожалуй, скажет: "Чем мне все это мешает — писец, ликтор, глашатай, пулларий?" Все эти знаки таковы, квириды, что лицо, обладающее ими без вашего голосования, является либо царем, что нестерпимо, либо частным человеком, потерявшим рассудок. (33) Поймите, сколь великая власть предоставлена децемвирам, и вы скажете, что это уже не безумие частных лиц, а надменность царей. Прежде всего, им предоставляют неограниченную власть собирать несметные богатства с ваших земель, облагаемых податями, и притом не употреблять эти деньги с пользой, а отчуждать их; затем — над всем миром и над всеми народами децемвирам вручается судебная власть, не ограниченная советом судей, право наказывать без провокации²⁷ и карать, лишая подсудимого права помощи²⁸. (34) В течение пяти лет они смогут судить даже консулов, даже самих народных трибунов; между тем их в течение этого времени никто судить не может; добиваться должностей им будет дозволено, а привлекать их к суду не будет дозволено; они смогут покупать земли, у кого захотят и какие захотят, и притом за любую цену; им дозволяется выводить новые колонии, вновь заселять старые, заполнить всю Италию своими колониями;

им дается полная власть разъезжать по всем провинциям, отнимать земли у независимых городских общин, продавать царства; им предоставляется право находиться в Риме, когда они захотят, и когда им заблагорассудится — выезжать, куда захотят, облеченными высшим империем и всей полнотой судебной власти; в то же время они смогут отменять приговоры уголовных судов, удалять из совета судей, кого захотят; каждый из них сможет выносить приговор по важнейшим делам, облекать квестора полномочиями, посылать землемера, причем сказанное землемером будет считаться утвержденным. (XIV, 35) Я называю эту власть царской, квириты, потому что я не нахожу иного подходящего слова; но она, конечно, еще более велика. Ведь никогда не было царской власти, которая бы не была ограничена если не законами, то все же пределами страны. Эта же власть поистине беспредельна, коль скоро она, на законном основании, охватывает и все царства, и вашу обширную державу, и земли, частью не зависящие от вас, частью даже вам неизвестные.

Итак, во-первых, децемвирам разрешается продавать все земли, о продаже которых сенат вынес постановления в консульство Марка Туллия и Гнея Корнелия²⁹ или же впоследствии. (36) Почему это написано так неясно и так темно? Разве не могли они перечислить в своем законе поименно все те земли, насчет которых сенат вынес решение? Есть две причины этой неясности, квириты: одна — это чувство стыда (если только может быть какой-либо стыд при таком необычайном бесстыдстве), другая — преступные намерения. Ибо то, что сенат назначил к продаже, Рулл назвать не решается; это — общественные участки земли в городе Риме, это — священные места, к которым, после восстановления власти трибунов³⁰, никто не прикоснулся; часть их наши предки повелели превратить в Риме в убежища на случай опасности. А теперь децемвиры все это будут продавать на основании закона, предложенного трибуном. К этому прибавится гора Гавр³¹, прибавятся ивняки под Минтурнами³², сюда же пойдет и знаменитая Геркуланская дорога³³, — ее продать легко, она очень приятна и приносит большой доход — прибавится и многое другое, что сенат в ту пору, вследствие скудости средств в эрарии, назначил к продаже, а консулы, боясь недовольства народа, не продали. (37) Но об этом, пожалуй, из чувства стыда, в законе умалчивают. Особенно же следует остерегаться и страшиться вот чего: разнузданности децемвиров предоставляется полная возможность совершать подлоги в официальных книгах и ссылаться на вымышленные ими постановления сената, которых никогда и не было — тем более, что из числа людей, бывших за то время консулами³⁴, многие уже умерли. Или вы, быть может, полагаете, что мы не вправе подозревать в преступной дерзости тех, кому в их алчности, весь мир кажется тесным?

(XV, 38) Вот вам тот род продажи, который, как я понимаю, представляется вам заслуживающим внимания; а теперь вдумайтесь в то, что за этим следует. Вы поймете, что это, так сказать, занятая ими исходная позиция³⁵ и подступ к дальнейшему. "*Земли, местности, постройки, которые...*" Что следует за этим? Много разного имущества: рабы, скот, золото, серебро, слоновая кость, ковры, мебель и прочее. Что на это сказать? Может быть, он думал, что навлечет на себя всеобщее осуждение, если перечислит все точно? Он не боится осуждения. Что же в таком случае? Он решил, что точный список будет слишком длинен, а пропустить что-либо боялся; потому добавил: "*или любое другое имущество*". Благодаря этой краткости, как видите, ничего не исключено. Итак, все то, что вне Италии сделалось государственным имуществом римского народа в консульство Луция Суллы и Квинта Помпея³⁶ или позже, — все это он велит децемвирам пустить в продажу. (39) Этой главой, квириты, утверждаю я, децемвирам выданы головой и отданы на произвол, на суд и во власть все племена, народы, провинции и царства. Прежде всего я спрашиваю: есть ли, скажите мне, где-нибудь такая местность, относительно которой децемвиры не могли бы объявить, что она является государственной собственностью римского народа? Ибо, если судьей будет тот же, кто это объявил, то чего только он не объявит, если ему же будет дозволено судить? Будет выгодно объявить собственностью римского народа Пергам, Смирну,

Траллы, Эфес, Кизик, словом, всю Азию, возвращенную нам после консульства Луция Суллы и Квинта Помпея. (40) Разве нельзя будет составить речь по этому вопросу или же, — если обсуждать дело и выносить решение будет один и тот же человек — разве не будет возможности заставить его вынести несправедливое решение? А если он не захочет вынести Азии суровый приговор, неужели же он не возьмет с нее, за избавление от страха перед угрожающей ей карой, любой платы по своему усмотрению? Ну, а Вифинское царство³⁷? Ведь оно, несомненно, превращено в государственную собственность римского народа; это неоспоримо, коль скоро это нами уже установлено и решено и мы это наследство приняли. Что же, в таком случае, может помешать децемвирам приступить к продаже всех земель, городов, соляных промыслов, гаваней, словом, всей Вифинии?

(XVI) А Митилены, которые, вне всякого сомнения, стали вашей собственностью, квириды, по закону войны и по праву победы³⁸, — город, известнейший как по своим естественным условиям и местоположению, так и по расположению и красоте зданий, с его красивыми и плодородными землями? Ведь все это охватывает одна и та же глава закона. (41) А Александрия и весь Египет? Как тщательно они их припрятали, как обходят они вопрос об этих землях, а тайком полностью передают их децемвирам! И в самом деле, до кого из вас не дошла молва, что это царство, в силу завещания царя Алексы³⁹, стало принадлежать римскому народу? Насчет этого я, консул римского народа, не только не стану выносить решения, но не скажу даже и того, что думаю. Ибо по этому вопросу, мне кажется, трудно не только принять постановление, но даже высказаться. Я вижу, найдутся люди, которые станут утверждать, что завещание действительно было составлено; я согласен, что существует суждение сената⁴⁰ о вступлении в права наследства, вынесенное тогда, когда мы, после смерти Алексы, отправили в Тир послов с поручением получить для нас деньги, положенные там царем. (42) Как я хорошо помню, Луций Филипп⁴¹ не раз настаивал на этом в сенате. Что касается человека, который ныне занимает там царский престол⁴², то, по-моему, почти все согласятся, что он не царь — ни по своему происхождению, ни по духу. Другие же говорят, что никакого завещания нет, что римскому народу не подобает добиваться всех царств, но что наши сограждане готовы туда переселяться ввиду плодородия земли и всеобщего изобилия. (43) И об этом столь важном деле будет выносить решение Публий Рулл вместе с другими децемвирами, своими коллегами? Будет ли он судить справедливо? Ведь решение — как положительное, так и отрицательное — настолько важно, что небрежное отношение к нему совершенно не допустимо и не терпимо. Предположим, он захочет народу угодить: он присудит Египет римскому народу. И вот, он сам, в силу своего закона, распродаст Александрию, распродаст Египет; над великолепным городом, над землями, прекраснее которых нет, он станет судьей, арбитром, владыкой, словом, царем над богатейшим царством. Но допустим, что он не будет столь притязателен и алчен; он признает, что Александрия принадлежит царю, а у римского народа ее отнимет.

(XVII, 44) Во-первых, почему решение о наследстве, достаемом римскому народу, должны выносить децемвиры, когда вы повелели, чтобы о наследствах частных лиц решение выносили центумвиры⁴³? Затем, кто будет защищать интересы римского народа? Где это дело будет обсуждаться? Где найдутся такие децемвиры, которые, как это можно предвидеть, присудят Птолемию царскую власть в Александрии бесплатно? Но если они имели в виду Александрию, то почему они в настоящее время не избрали того же пути, какой они избрали в консульство Луция Котты и Луция Торквата⁴⁴? Почему они нацелились на эту страну не открыто, как некогда, и почему не таким же образом, как тогда — не прямо и не у всех на глазах? Или те, которые не смогли овладеть этим царством во время этесий⁴⁵, совершив прямой морской переход, теперь, под покровом густых туманов и мрака, рассчитывают достигнуть Александрии?

(45) Обратите внимание еще на одно обстоятельство, квириты! Присутствие наших легатов, лиц с незначительными полномочиями, которым предоставляется свободное легатство⁴⁶ для устройства их частных дел, чужеземные народы все же едва терпят; ибо само название "власть" им в тягость и внушает им страх, даже когда она представлена незначительной личностью; ведь легаты, всякий раз выезжая из Рима, злоупотребляют вашим, а не своим именем. Что, по вашему мнению, будет, когда эти децемвиры станут разъезжать по всему миру, облеченные империем, с ликторами, с известной нам избранной молодежью в лице землемеров, — в каком настроении, в каком страхе будут эти несчастные народы, какие опасности грозят им! (46) Уже сам империй внушает им ужас — стерпят. Приезд децемвиров сопряжен с издержками — будут нести. На них возложат кое-какие повинности — не откажутся. Но каково будет, квириты, когда тот децемвир, который приедет в какой-нибудь город, — либо долгожданный как гость, либо неожиданно как хозяин — и объявит то самое место, куда он приехал, тот самый гостеприимный дом, в который его привели, государственной собственностью римского народа? Какое страшное несчастье будет для населения, если он это объявит! Какой доход для него самого, если он этого не сделает! И все же эти самые люди, которые добиваются таких полномочий, иногда сетуют, что все страны и все моря отданы во власть Гнея Помпея⁴⁷. Ну, разумеется, это одно и то же — предоставить полномочия или даром отдать все; поручить ли многотрудное дело или вручить доходы и прибыли; быть ли посланным для освобождения союзников или для их угнетения! Наконец, если речь идет об исключительных полномочиях, то разве безразлично, предоставит ли их римский народ тому, кому захочет, или же они будут у римского народа нагло вырваны коварным законом?

(XVIII, 47) Вы уже поняли, как многочисленны и как велики владения, которые децемвиры будут продавать на основании этого закона. Этого недостаточно. Упившись кровью союзников, кровью чужеземных народов, кровью царей, они намерены подсесть жилы римскому народу, наложить руку на ваши доходы и ворваться в эрарий! Ведь следующая глава даже не только позволяет, на случай отсутствия денег (хотя они, на основании вышеупомянутых полномочий, должны поступать в таком количестве, что в них не может быть недостатка), но повелительно требует (будто бы ради вашего блага), чтобы децемвиры продавали облагаемые податями земли, перечисленные по их названиям. (48) Прочитай же мне по порядку, по записи закона, об этой распродаже римского народа; даже самому глашатаю, клянусь Геркулесом, будет печально и горестно объявлять о ней. [Об аукционе.] Как и свое собственное имущество, так и государственное Рулл проматывает, как расточитель, готовый продать свои рощи раньше, чем продаст виноградники. Италию ты уже распродал; переходи к Сицилии. Из всего того, что наши предки оставили нам в этой провинции как нашу собственность, — в городах ли или на полях — не остается ничего; все он велит продавать. (49) И то, что предки наши, после своей недавней победы, оставили вам в городах и на землях наших союзников как залог мира и как памятник войны, вы, получив от них, по воле Рулла, будете продавать? Я вижу, что внушаю вам некоторую тревогу, квириты, раскрывая вам козни, которые они строят, по их мнению, тайком против высокого положения Гнея Помпея. Простите мне, что я так часто называю имя этого мужа. Два года назад, в мою претуру⁴⁸, вы сами, квириты, на этом же месте возложили на меня задачу — всем, чем только смогу, защищать вместе с вами его достоинство в его отсутствие. До сего времени я делал все, что мог, не побуждаемый к этому ни дружескими отношениями, ни расчетами на почести и на получение высшего достоинства, которого я достиг благодаря вам, — правда, с его одобрения, но все-таки в его отсутствие. (50) Вот почему, понимая, что почти весь этот закон подготавливают, словно осадную машину, дабы уничтожить все могущество Помпея, я и дам отпор намерениям этих людей и, конечно, добьюсь того, чтобы вы все могли не только видеть то, что вижу я, но также и ощупать это. (XIX) Закон предусматривает продажу земель, принадлежавших жителям Атталии, Фаселиды, Олимпа, а также и земель Аперы, Ороанды и Элевсы⁴⁹. Области эти, благодаря империи и победам прославленного мужа, Публия

Сервилия, сделались вашей собственностью. Закон присоединяет к ним также и царские земли в Вифинии, доходы с которых в настоящее время получают откупщики, затем — земли Аттала в Херсонесе⁵⁰, земли в Македонии, принадлежавшие царю Филиппу и царю Персею; цензоры и эти земли отдавали на откуп; [они приносят вам] верный доход [...].

(51) Он назначает на продажу также и тучные и плодородные земли в Коринфе, затем земли в Кирене, принадлежавшие Апиону⁵¹, а также и земли в Испании, вблизи Нового Карфагена, а в Африке он продает даже старый Карфаген, на который Публий Африканский, по решению совета⁵², наложил проклятье⁵³. Он, разумеется, сделал это не из благоговения перед этим издревле населенным местом и не для того, чтобы само место это свидетельствовало о бедствии, постигшем тех, кто с нашим городом вступил в борьбу за владычество; нет, просто он не был так рьян, как Рулл, да, пожалуй, он и не мог найти покупателя для этого места. Наконец, к числу этих земель, [принадлежавших царям,] захваченных в прежние войны благодаря мужеству выдающихся императоров, Рулл присоединяет царские земли, которыми Митридат владел в Пафлагонии, Понте и Каппадокии, — с тем, чтобы децемвиры продавали также и их.

(52) Как же так? Пока побежденным еще не предъявлено никаких условий, император доклада не делал, словом, пока война еще не закончена, причем царь Митридат, потерявший свое войско и из царства своего изгнанный, даже теперь что-то замышляет, находясь в странах, лежащих на краю света, и от непобедимой руки Гнея Помпея его защищают Меотида⁵⁴ и ее топи, трудности пути и высота гор, когда наш император еще воюет и в этих местностях еще и поныне сохраняется состояние войны, то неужели децемвиры будут продавать земли, на которые, по обычаю предков, пока еще должна распространяться судебная и всякая другая власть Гнея Помпея? (53) И Публий Рулл (ведь он ведет себя так, словно уже считает себя избранным децемвиром), пожалуй, поедет, чтобы участвовать именно в этой продаже с торгов! (XX) Прежде чем приехать в Понт, он, очевидно, пошлет Гнею Помпею письмо, которое эти люди, мне думается, уже составили приблизительно так: "Народный трибун Публий Сервилий Рулл, децемвир, шлет привет Гнею Помпею, сыну Гнея". Не думаю, чтобы он добавил: "Великому"⁵⁵; ведь он едва ли окажет словом ту честь, какую пытается умалить своим законом. "Предлагаю тебе явиться ко мне в Синопу и привести вспомогательные войска на то время, пока земли, которые ты своими трудами захватил, я, на основании своего закона, буду продавать". А Помпея он к продаже не допустит? Он будет в его провинции продавать имущество, завоеванное этим императором? Представьте себе воочию Рулла, производящим в Понте торги вместе с красавчиками землемерами, после того как он водрузит копьё между нашим и вражеским лагерями⁵⁶. (54) И не только в одном этом заключается необычайно тяжкое и доселе неслыханное оскорбление, чтобы — пока условия мира еще не продиктованы, более того, пока император еще ведет войну — ценности, добытые войной, не говорю уже — поступали в продажу, но даже были отданы на откуп. Но эти люди, несомненно, имеют в виду нечто большее, чем одно только оскорбление. Они надеются, что если недругам Гнея Помпея, облеченным империем, полной судебной и неограниченной властью, позволят с огромными деньгами не только разъезжать повсюду, но и добраться также и до его войска, то им удастся строить козни ему самому, а также лишить его части его войска, средств и славы. Они думают, что войско Гнея Помпея, если оно питает какую-то надежду получить от него земли или другие преимущества, оставит его, увидев, что власть распределять все эти блага передана децемвирам. (55) Я вижу не без удовольствия, насколько тупы люди, питающие такие надежды, и насколько наглы люди, делающие такие попытки; но мне обидно, что они настолько презирают меня, рассчитывая осуществить эти чудовищные замыслы именно в мое консульство.

Более того, при продаже всех этих земель и строений децемвирам предоставляется право продавать все это в любом месте, где только им вздумается. О, крушение основ! О, произвол,

требующий обуздания! О, превратные и губительные замыслы! (XXI) Отдавать сбор податей на откуп разрешается только в этом вот городе — либо с этого, либо вон с того места⁵⁷, когда вы в полном сборе, как сегодня. А продавать наше имущество и навеки его отчуждать будет дозволено и во мраке Пафлагонии, и в пустынных краях Каппадокии? (56) Когда Луций Сулла, на устроенных им роковых торгах, продавал достояние без суда осужденных граждан и говорил, что продает свою добычу⁵⁸, он все-таки продавал его с этого места и не осмелился скрыться от тех самых людей, чьи взоры он оскорблял. И неужели децемвиры будут продавать ваши облагаемые податями земли, квириты, не говорю уже — без вашего ведома, но даже без свидетеля в лице государственного глашатая?

Далее говорится обо "всех землях вне Италии"⁵⁹, без ограничения давности, а не так, как это было ранее, со времени консульства Суллы и Помпея. Частное ли это имущество или же государственная земля, предоставляется решать децемвирам, причем эти земли облагаются очень большой податью. (57) Ну, кто же не понимает, сколь велика, сколь нестерпима такая судебная власть, насколько она в духе царей — власть, дающая возможность в любой местности, по своему усмотрению, без всякого разбора дела, без всякого совещания забирать частное имущество в казну, казенное освобождать от продажи? В этой же главе делается исключение для земель Реценторика в Сицилии, этой оговорке я сам — и ввиду своих тесных связей с населением этой местности⁶⁰, и ввиду справедливости этого решения чрезвычайно рад, квириты! Но какова наглость! Люди, владеющие землей в Реценторике, основывают свое право владения на его давности, а не на законе; они владеют землей ввиду милосердия сената, а не по правовым установлениям. Они признают, что эта земля — государственная, но полагают, что не следует удалять их из их владений, с насиженных с древнейших времен мест, от их богов-пенатов⁶¹. Но если эти земли в Реценторике — частная собственность, то почему ты их исключашь? Если же это государственная собственность, то какова цена такой справедливости — позволять, чтобы другие земли, даже являющиеся частной собственностью, признавались государственными, а исключались именно эти, которые их население считает государственными? Итак, исключение делается для земель тех людей, которые каким-либо путем приобрели значение в глазах Руллы, а все прочие земли, где бы они ни находились, без какого-либо выбора, без ведома римского народа, должны быть без решения сената присуждены децемвирам? (XXII, 58) К тому же в предыдущей главе, на основании которой должно поступать в продажу все, есть и другая, весьма выгодная оговорка, которая будет оберегать земли, охраняемые договором. Рулл слышал, что в сенате, а иногда и на этом месте часто ставился — не мной, а другими лицами — вопрос о том, что царь Гиемпсал владеет на побережье землями, которые Публий Африканский присудил римскому народу; тем не менее впоследствии консул Гай Котта на основании договора обеспечил царю его права⁶². Так как вы не утвердили этого договора, то Гиемпсал опасается, достаточно ли он надежен и прочен. Как? Что же это значит? Отменяется ваше решение, а договор в целом принимается и одобряется. Что Рулл ограничивает продажу земли децемвирами, я хвалю; что он обеспечивает интересы дружественного нам царя, не порицаю; но что все это делается не даром, — на это я вам указываю. (59) Ведь у этих людей все время вертится перед глазами Юба, сын царя, у которого столько же денег, сколько волос на голове⁶³.

Трудно даже представить себе место, способное принять в себя такие горы денег; Рулл накапливает их, прибавляет, собирает в кучу. *"Все золото и серебро, захваченное как добыча и полученное от ее продажи, золото для венка, независимо от того, кому оно досталось, не сданное в казну и не израсходованное на сооружение памятника"*⁶⁴, — обо всем он велит объявлять децемвирам и передавать это им. Глава эта, как видите, поручает децемвирам даже расследование деятельности прославленных мужей, которые вели войны именем римского народа, а также и суд по делам о вымогательстве. А вот о децемвирах никакой суд уже не будет решать, сколько каждый из них получил от продажи добычи, что передано ими в казну, а что оставлено себе. А на будущее время для каждого из ваших императоров устанавливается

правило — по своем отъезде из провинции объявлять тем же децемвирам, как велики его добыча и деньги от ее продажи и сколько у него золота для венка. (60) Но этот честнейший муж все же делает исключение для того, кого он так любит, — для Гнея Помпея. Откуда же эта любовь, — столь неожиданная, столь внезапная? Тому самому человеку, которому, чуть ли не называя его по имени, отказывают в почете, связанном с децемвиратом, человеку, чья судебная власть, право ставить условия и выносить решения насчет земель, завоеванных его доблестью, уничтожаются, к которому уже не в провинцию, но в самый лагерь посылают децемвиров, облеченных империем, с огромными деньгами, с неограниченной властью и правом суда по всем делам, человеку, у которого одного вырывают право империя, искони сохранявшееся за всеми императорами, именно ему, в виде исключения, позволяют не передавать своей добычи в казну? Что имеется в виду в этой главе: оказать ли ему почет или же вызвать ненависть к нему?

(XXIII, 61) Гней Помпей обойдется без этих поблажек Рулла; благодеяниями этого закона, милостями децемвиров он пользоваться не хочет. Ибо, если справедливо, чтобы императоры не обращали добычи, захваченной ими, и денег от ее продажи ни на сооружение памятников в честь бессмертных богов, ни на украшение города Рима, а передавали эту добычу децемвирам, словно те — их владыки, то Помпей никаких преимуществ для себя не желает, никаких; он хочет пользоваться обыкновенными правами — такими же, какими пользуются другие. Но если несправедливо, квиниты, если позорно, если нестерпимо, чтобы эти децемвиры назначались в качестве надсмотрщиков над всеми деньгами всех людей и обирали не только царей и население чужих стран, но даже и ваших императоров, то для Помпея, по моему мнению, делают исключение вовсе не для того, чтобы оказать ему почет; нет, они боятся, что того оскорбления, какое терпят другие, он не стерпит. (62) Но вот что думает Помпей: все, что угодно вам, он считает нужным переносить; но если вы чего-нибудь переносить не сможете, то он, конечно, добьется того, чтобы вас не принуждали терпеть это слишком долго. Так вот, Рулл вносит оговорку, что все деньги, какие после моего консульства могут поступить благодаря новым податям, должны быть в распоряжении децемвиров. Но он понимает, что новые подати будут поступать с земель присоединенных Помпеем. Таким образом, предоставив Помпею деньги от продажи добычи, Рулл считает себя вправе пользоваться доходами, которые принесла доблесть Помпея.

Но вот для децемвиров, квиниты, добыты все деньги, какие только есть на свете; не пропущено ничего; все города, области, как и царства и, наконец, ваши облагаемые податями земли поступили в продажу; в ту же кучу сложены деньги от продажи добычи ваших императоров. Какие огромные, какие чудовищные богатства предстоит собрать децемвирам на таких больших аукционах, посредством стольких судебных решений, своей властью, столь неограниченной во всех отношениях, — вы видите. (XXIV, 63) Узнайте теперь о других видах беспримерного и нестерпимого стяжания и вы поймете, что для удовлетворения наглой алчности определенных людей и выбрали это приятное народу название — земельный закон. На эти деньги Рулл велит покупать земли, чтобы устраивать на них колонии для вас. Не привык я, квиниты, говорить о людях резко, кроме случаев, когда меня вызовут на это. Я бы не хотел оскорблять людей, которые рассчитывают сделаться децемвирами. Вы вскоре поймете, каким людям вы предоставите власть все продавать и все покупать. (64) Но то, чего я еще не считаю нужным говорить, вы все же можете и сами представить себе. Во всяком случае, я, мне кажется, могу вполне искренно сказать одно: тогда, когда в нашем государстве были Лусцины, Калатины, Ацидины — люди, украшенные не только почестями, оказанными им народом, и своими подвигами, но также тем терпением, с каким они переносили свою бедность, и тогда, когда жили Катоны, Филы, Лелии⁶⁵, чьи мудрость и умеренность в делах государственных и частных, на форуме и среди их домочадцев вам хорошо известны, все же ни одного из них не облакали такими полномочиями, чтобы один и тот же человек выносил судебное решение и продавал земли, делая это в течение пяти лет во всем мире, чтобы он же отчуждал облагаемые

податями земли римского народа и, собрав для себя, по своему усмотрению, без свидетелей, огромные деньги, наконец, стал покупать на них у кого захочет то, что ему заблагорассудится. (65) Облекайте же сами, квириды, ныне всеми этими полномочиями этих людей, которые, как вы подозреваете, нацелились на этот децемвират; вы поймете, что одни из них безмерно корыстны, другие — безмерно расточительны. (XXV) Не стану я теперь обсуждать здесь и то, что и так вполне ясно: наши предки не оставляли нам завета покупать земли у частных лиц с тем, чтобы государство выводило на них плебс; на основании всех законов с государственных земель частных лиц удаляли. Сознаюсь, я ожидал от этого страшного и беспощадного народного трибуна какой-нибудь меры в этом роде. Но это доходнейшее и позорнейшее торгашество в виде покупки и продажи земли я всегда считал чуждым деятельности трибунов, чуждым достоинству римского народа. (66) Рулл велит покупать земли. Прежде всего я хочу знать, какие земли и в каких местностях. Я не хочу, чтобы римский плебс, с чувством тревоги и неуверенности, питал неясные надежды и слепо ожидал дальнейших событий. Есть земли Альбы, Сетии, Приверна, Фунд, Весции, Фалерна, Литерна, Кум, Ацерр⁶⁶. Я понимаю. При выезде из других ворот⁶⁷ — земли Капена, Фалиска, сабинские, земли Реаты; при выезде из третьих — земли Венафра, Аллиф и Требулы. Ты располагаешь такими большими деньгами, что можешь все эти и подобные им земли не только купить, но и накопить. Почему ты не указываешь их точно и не называешь их, чтобы римский плебс мог хотя бы обсудить, что в его интересах, что ему выгодно, насколько он может на тебя положиться в деле покупки и продажи земель? "Я указываю, — говорит он, — в границах Италии". Да, это сказано очень точно. И в самом деле, какая разница, у подошвы ли Массика⁶⁸ вас поселят, или же где-нибудь в другом месте [в Италии]? (67) Хорошо, местности ты не указываешь. А каково качество почвы? "Конечно, — говорит Рулл, — земли, которые можно распахать или обработать". Можно распахать, говорит он, можно обработать, но не — земли распаханные или обработанные. Что же это: закон или же объявление о Вератиевых торгах? Там, говорят, было написано: "Двести югеров, на которых можно посадить оливы, триста югеров, на которых можно разбить виноградник" И ты, на свои огромные деньги, станешь покупать эти земли, которые можно распахать или обработать? Да существует ли такая бедная и тощая почва, что ее не поднять лемехом, или столь каменистая местность, где труд земледельца окажется напрасным? "Я потому, — говорит он, — и не могу точно назвать земли, что не прикоснусь ни к чьей земле без согласия ее владельца". Это, квириды, дело, гораздо более прибыльное, чем отчуждение земли без согласия ее владельца. Ибо он, конечно, учтет, сколько дохода он может извлечь из ваших денег, и, в конце концов, земля будет куплена только в том случае, когда это будет выгодно покупателю и продавцу.

(XXVI, 68) Но вникните в смысл земельного закона. Даже те, кто занимает государственные земли, уступят их только в том случае, если эти земли будут взяты у них на самых выгодных для них условиях и за огромные деньги. Какой крутой поворот! Ранее достаточно было народному трибуну упомянуть о земельном законе — и людей, занимавших государственные земли или такие имения, владение которыми порождало ненависть, тотчас же охватывало чувство страха; но этот закон приносит им богатство и избавляет их от ненависти. И в самом деле, квириды, сколько, по вашему мнению, людей, которые не могут ни сохранить свои обширные владения, ни выносить ту ненависть, которую вызывают сулланские раздачи земель? Ведь они желали бы продать землю, но не находят покупателя; они уже давно хотят любым способом избавиться от этих земель. Людей, которые еще недавно и днем и ночью дрожали от одного имени трибуна, опасались вашей мощи, страшились упоминания о земельном законе, теперь даже будут просить и умолять о передаче, по назначенной ими цене, децемвирам земель, часть которых принадлежит государству, а часть навлекает ненависть на их владельцев и грозит им опасностью. Но вот песенка, которую этот народный трибун напевает потихоньку, не для вас, а для себя. (69) Его тесть, честнейший муж, под покровом мрака, спустившегося в ту пору на государство, захватил себе столько земли, сколько ему было угодно. Ему, уже изнемогающему и раздавленному бременем,

взваленным на него Суллой, Рулл и хочет прийти на помощь своим законом — с тем, чтобы ему можно было от ненависти спастись, а деньги припрятать. Неужели же вы решитесь продавать облагаемые податями земли, добытые кровью и потом ваших предков, только для того, чтобы людей, владеющих землей по воле Суллы, обогатить и избавить от опасности? (70) Ибо эта покупка земель, поручаемая децемвирам, касается двух родов земельных владений, квириты! С одних земель хозяева бегут потому, что владение ими навлекло на них всеобщую ненависть; с других — ввиду их запустения. Сулланские наделы, которые кое-кто уже значительно округлил, вызывают такую ненависть, что они рухнут при первом же слове недовольства со стороны подлинного и стойкого народного трибуна. По какой бы цене ни скупали все эти земли, все же они обойдутся нам необычайно дорого. Земли другого рода, бесплодные и поэтому необработанные, места с нездоровым воздухом, пустынные и заброшенные, будут покупаться у тех людей, которые понимают, что им все равно придется их бросить, если не удастся их продать. Вот, несомненно, причина, почему этот народный трибун и сказал в сенате, что городской плебс чересчур много силы забрал в государстве и что его следует "вычерпать"; ведь он употребил именно это слово, точно говорил о какой-то выгребной яме⁶⁹, а не о сословии честнейших граждан.

(XXVII, 71) Но вы, квириты, если хотите послушаться меня, сохраните те блага, которыми вы владеете, — влияние, свободу, право голоса, достоинство, возможность находиться в Риме, форум, игры, праздничные дни и все другие преимущества, — если только вы не предпочитаете, покинув все вот это и расставшись с этим сердцем нашего государства, под водительством Рулла поселиться на засушливых землях Сипонта или в гиблых местностях Сальпина⁷⁰. Но пусть он, по крайней мере, скажет, какие земли намерен он покупать; пусть сообщит, что и кому собирается он дать. Но чтобы он, продав все города, земли, облагаемые податями области и царства, стал покупать какие-то жалкие пески и болота — да можете ли вы, скажите мне, это допустить? А впрочем, вот еще что является из ряду вон выходящим: на основании этого закона сначала все поступает в продажу, причем деньги будут собраны и накоплены раньше, чем будет куплен хотя бы ком земли; далее, покупать земли Рулл велит, покупать их в принудительном порядке запрещает. (72) Я хочу знать: если не окажется людей, желающих продать землю, что будет с деньгами? Закон и запрещает передавать их в эрарий и не допускает их возврата децемвирами. Итак, все деньги останутся в руках децемвиров. Для вас землю покупать не будут. После отчуждения облагаемых податями земель, угнетения союзников, разорения царей и всех народов деньги у децемвиров будут, а земли у вас не будет. "Легко будет, — говорит Рулл, — большими деньгами склонить владельцев к продаже земли". Значит, закон сводится к тому, чтобы свое имущество мы продавали, за сколько сможем, а чужое покупали, за сколько захотят его владельцы.

(73) Более того, Рулл велит, чтобы на эти земли, купленные на основании его закона, децемвиры вывели колонии. Как? Разве всякое место годится для этого, разве для государства может быть безразлично, будет ли туда выведены колония или не будет? Ведь одно место требует устройства колонии, а другое его совершенно не допускает. В этом деле, как и в других государственных делах, стоит вспомнить о бдительности наших предков, которые, предвидя возможную опасность, так разместили колонии в подходящих для этой цели местностях, что они кажутся не столько городами Италии, сколько передовыми укреплениями нашего государства. А децемвиры будут выводить колонии на те земли, какие они купят? Даже если это не будет в интересах государства? (74) "... и, кроме того, в любые местности, по своему усмотрению". Почему бы им в таком случае не вывести колонии на Яникул и не посадить свой гарнизон нам на шею как ярмо? Ты, значит, не укажешь нам с точностью, сколько колоний, в какие местности ты хочешь вывести и какова будет численность колонов? И ты займешь любое место, какое только признаешь подходящим для насильственных действий, заселишь его, укрепишь по своему усмотрению, чтобы за счет доходов римского

народа и всех его средств связать, задавить сам римский народ и отдать его на произвол и во власть децемвирам?

(XXVIII, 75) Что Рулл действительно рассчитывает занять всю Италию и захватить ее своими гарнизонами, в этом, квириды, прошу вас убедиться: он предоставляет децемвирам право выводить во все муниципии и колонии всей Италии колонов, каких они захотят вывести, и велит давать этим колонам землю. Разве не ясно, что создаются силы и гарнизоны, присутствие которых несовместимо с вашей свободой? Разве не ясно, что устанавливается царская власть, что гибнет ваша свобода? Ибо, когда эти же лица, благодаря своей огромной власти, заберут себе все деньги, привлекут к себе толпы людей... [Лакуна], то есть всю Италию, когда они зажмут в тиски вашу свободу своими гарнизонами и колониями, какая возможность возвратит себе свободу останется у вас?

(76) Но, скажут мне, на основании этого закона распределяют земли в Кампании, самые прекрасные во всем мире, и выведут колонию в Капуя, прославленный и великолепный город. Что можем мы ответить на это? Сначала я буду говорить о ваших интересах, квириды! Затем возвращусь к вопросу о вашем почетном положении и достоинстве, чтобы те люди, которые, быть может, прельщаются красотой этой области или города, ни на что не рассчитывали, а те, которые негодуют на недопустимость этих действий, воспротивились этой притворной щедрости. Прежде всего я буду говорить об этом городе — на случай, если кто-нибудь склонен восхищаться Капуей больше, чем Римом. Закон велит назначить в Капуя пять тысяч колонов; из этого числа каждый децемвир берет в свое ведение по пятисот человек. (77) Пожалуйста, не обманывайтесь; оцените положение трезво и внимательно. Неужели вы думаете, что среди них найдется место для вас или вам подобных людей, неподкупных, стоящих за спокойствие и мир? Если оно найдется для всех вас или же для большей части из вас, — хотя почет, оказанный мне вами, и велит мне бодрствовать дни и ночи и смотреть на все государственные дела, пристально устремив на них глаза, — то я все же, если это в ваших интересах, на короткое время глаза закрою. Но если для этих пяти тысяч людей, выбранных для насильственных действий, для преступления и резни, ищут место или, вернее, город, который даст им возможность начать войну и вести ее, то неужели вы все-таки потерпите, чтобы вашим именем против вас накопляли силы, вооружали гарнизоны, подготавливали себе опору в городах, в областях и в войсках? (78) Ибо именно тех самых земель в Кампании, которые они сулят вам, они пожелали для себя; они выведут туда своих сторонников, чтобы, прикрываясь их именем, самим владеть землей и получать доход; кроме того, они будут скупать землю; эти участки по десяти югеров они объединят в сплошные владения. Если же они скажут, что законом это не дозволено, то это не дозволено даже Корнелиевым законом⁷¹; но мы видим, — чтобы далеко не ходить за примерами, — что землями в Пренесте владеет лишь несколько человек⁷². И децемвирам при их денежных средствах, как я вижу, недостает только тех угодий, на доходы с которых они могли бы содержать многочисленную челядь и нести расходы по своим имениям в Кумах и Путеолах⁷³. Но если Рулл имеет в виду вашу пользу, пусть он придет и открыто обсудит со мной вопрос о разделе земель в Кампании.

(XXIX, 79) В январские календы я спросил его, между кем и каким образом собирается он распределять эти земли. Он ответил мне, что начнет с Ромилиевой трибы. Во-первых, что это за высокомерное и оскорбительное решение — выделять часть народа, не обращать внимания на порядок триб и давать землю сельским трибам, уже владеющим землей, раньше, чем городским, которых соблазняют приятной надеждой на получение земли? Если же Рулл отрекается от сказанного им и думает удовлетворить всех вас, пусть он это докажет, пусть разделит землю на наделы по десять югеров каждый и перепишет ваши имена, начиная с Субурской трибы и кончая Арнской⁷⁴. Если вы поймете, что нет возможности, уже не говорю — дать вам по десять югеров, но даже и разместить на землях Кампании такое множество людей, то неужели вы все же потерпите, чтобы народный трибун и далее потрясал основы

государства, пренебрегал величием римского народа и издевался над вами самими? (80) Даже если бы эти земли могли достаться вам, разве вы все-таки не предпочли бы, чтобы они оставались вашим общим имуществом? Допустите ли вы полное уничтожение самых прекрасных владений римского народа, вашего главного достояния, мирной жизни украшения, опоры на случай войны, основы ваших доходов, житницы для ваших легионов, важнейшего источника вашего снабжения хлебом? Или вы забыли, какие многочисленные войска вы во время Италийской войны⁷⁵, после утраты других источников доходов, кормили урожаем, собранным в Кампании? Или вы не знаете, что другие доходы римского народа, как ни велики они, часто зависят от малейших превратностей судьбы, от неблагоприятных обстоятельств? Помогут ли нам сколько-нибудь гавани в Азии, пастбищные сборы, все доходы, получаемые нами из-за моря, при малейшей угрозе появления морских разбойников или врагов? (81) Напротив, эти доходы с земель Кампании особенные: они собираются у нас и защищены гарнизонами всех городов и им, кроме того, не угрожают ни войны, ни неурожай, ни бедствия, связанные с погодой и местностью; поэтому наши предки не только не отказались от части земель, отнятых ими у жителей Кампании, но даже скупили земли, находившиеся в руках у людей, у которых их нельзя было отнять без нарушения закона. По этой причине ни оба Гракха, проявившие такую большую заботу о благе римского плебса, ни Луций Сулла, без каких-либо зазрений совести раздававший все, кому хотел, не осмелились и прикоснуться к землям в Кампании. Нашелся один только Рулл, готовый лишить государство тех владений, из которых его не изгнали ни щедрость Гракхов, ни владычество Суллы. (XXX) Земли, которые вы, проезжая мимо, называете своими и о которых путешествующим чужестранцам говорят, что они принадлежат вам, после раздела... [Лакуна.] не будут называться вашими. Но кто же будет ими владеть? (82) Прежде всего это будут беспокойные люди, склонные к насилию, готовые к мятежу; по первому же знаку децемвиров они возьмутся за оружие против граждан и не остановятся перед резней; затем, вы увидите, как все земли в Кампании будут передавать малому числу людей, известных своей мощью и богатством. Между тем вам, получившим от предков эти завоеванные ими прекрасные области, источник ваших доходов, из владений ваших отцов и дедов не оставят и клочка земли. Неужели же о вас будут заботиться гораздо меньше, чем о частных лицах? Как это возможно? Когда предки наши послали в те самые местности Публия Лентула⁷⁶, который был первоприсутствующим в сенате, для покупки на государственный счет земель, вклинивавшихся в государственные земли Кампании, он, говорят, сообщил, что один участок земли ему ни за какие деньги купить не удалось и что человек, отказавшийся его продать, заявил ему, что его ничем не удастся склонить к этой продаже, так как он, имея много владений, только из одного этого никогда никаких дурных известий не получал. (83) Как же так? Значит, для частного человека довод этот был убедителен. А римский народ тот же довод не заставит отказаться от безвозмездной передачи земель в Кампании частным лицам в соответствии с рогацией Рулла? Но римский народ может сказать об этих доходах то же самое, что владелец этот, как говорят, сказал о своем именье. Азия в течение многих лет, во время войны с Митридатом, вам доходов не приносила⁷⁷, с обеих Испаний мы, во времена Сертория⁷⁸, никаких податей не получали. Городским общинам Сицилии, во время войны с беглыми рабами, Маний Аквиллий даже дал хлеб заимообразно. Но из этой обложенной податями и налогами области мы никогда не получали дурных известий. Сбор других доходов нарушается вследствие затруднений, вызываемых войной, а эти доходы даже дают возможность вести войну. (84) Затем, по поводу этого распределения земли нельзя сказать даже того, что говорилось в других случаях — не должно быть земли, брошенной плебсом и не обрабатываемой свободными людьми⁷⁹. (XXXI) Я утверждаю: распределить земли в Кампании, значит, разорить плебс и согнать его с земли, а не поселить и разместить его. Ведь все земли в Кампании обрабатывает и держит в своих руках⁸⁰ плебс и притом честнейший и умереннейший плебс. Этих высоконравственных людей, прекрасных земледельцев и солдат, наш народный трибун, благодетель плебса, разоряет дотла. И несчастным людям, родившимся и выросшим на этой земле, опытным хлебопашцам, вдруг негде будет приклонить голову. А этим вот силачам и наглым приспешникам децемвиров будет передано владение всеми землями в Кампании. И если вы ныне с гордостью говорите о

своих предках: "Земли эти мы от наших предков получили", — то ваши потомки будут о вас говорить: "Земли эти наши отцы, получив их от своих отцов, загубили". (85) Я, со своей стороны, полагаю: если дойдут до раздела Марсова поля и каждому из вас будут давать по два фута земли, чтобы у него было где встать, вы все же предпочтете владеть всей землей сообща, а не ее малой частью каждый поодиночке. Итак, даже если бы каждому из вас должна была достаться хотя бы малая часть из тех земель, которые сулят вам, а готовят для других, все же для вас было бы больше чести владеть ими сообща, а не каждому порознь. Но так как в действительности вас совершенно не имеют в виду, земли приобретают для других, а у вас их отнимают, то неужели вы, защищая свою землю, не дадите ожесточенного отпора этому закону, как дали бы его вооруженному врагу?

К землям в Кампании Рулл присоединяет Стеллатскую область и в ней назначает каждому гражданину по двенадцати югеров, словно между кампанской и стеллатской землей разница незначительна. (86) Но, чтобы заселить там все города, квириты, требуется множество людей. Ибо, как я уже говорил, закон позволяет децемвирам занимать, по их усмотрению, своими колонами муниципии, а также уже существующие колонии. Они и заполнят муниципий Калы, захватят Теан, свяжут присутствием своих гарнизонов Ателлы, Кумы, Неаполь, Помпеи и Нуцерии. Что касается ПUTEОЛ, ныне самостоятельных и свободных, то их полностью займут новым населением и пришлым людом. (XXXII) И вот тогда известное нам знамя кампанской колонии, столь опасное для нашей державы, децемвиры водрузят в Капуе; тогда против этого вот Рима, нашей общей родины, воздвигнут тот второй Рим. (87) Делаются преступные попытки перенести управление вашим государством именно в тот город, где наши предки вообще не хотели допускать и существования государственной власти; ведь они признали, что во всем мире носителями величия и имени державы могут быть только три города: Карфаген, Коринф и Капуя. Разрушен был Карфаген, так как он ввиду своей многолюдности, своего местоположения и естественных условий, опоясанный гаванями, огражденный стенами, казался, стремился выйти за пределы Африки и угрожал двум плодороднейшим островам римского народа. От Коринфа остались одни только следы⁸¹. Он находился на перешейке, вернее, у входа в Грецию, будучи на суше ключом к этой стране, и почти что соединял два моря, позволяя кораблям проплывать в обе стороны — настолько узок перешеек, разделяющий моря. Города эти, находившиеся за пределами нашей державы, предки наши не только покорили, но даже — дабы они никогда не могли возродиться, встать из праха и войти в силу — уничтожили до основания, как я уже говорил. (88) Насчет Капуи много и долго совещались⁸². До нас, квириты, дошли официальные записи; сохранилось много постановлений сената. Умудренные опытом люди решили, что если отнять у жителей Кампании их земли, если уничтожить в этом городе государственные должности, сенат и народное собрание и не оставить в нем и видимости государственного строя, то у нас не будет оснований бояться Капуи. Итак, вы найдете в старых книгах следующую запись: чтобы существовал город, который мог бы снабжать земли в Кампании всем необходимым для обработки, чтобы существовало место, пригодное для доставки и хранения урожая, чтобы у земледельцев, утомленных полевыми работами, была возможность пользоваться городскими жилищами, — только ради этого все эти здания не были разрушены.

(XXXIII, 89) Посмотрите же, как велика разница между мудростью наших предков и безрассудством этих людей: те хотели, чтобы Капуя была пристанищем для земледельцев, местом торга для жителей деревень, складом и амбаром для земель Кампании, эти, изгнав земледельцев, растратив и рассеяв свой урожай, делают Капую средоточием нового государства, готовят оплот против старого государства. Если бы наши предки могли предположить, что в столь знаменитой державе, при столь прославленном римском государственном строе, найдется человек, подобный Марку Бруту⁸³ или Публию Рулле (ведь только они двое, как мы видели, до сего времени хотели перенести в Капую управление нашим государством), то они, конечно, не сохранили бы и названия этого города. (90) Предки

наши, без сомнения, думали, что в Коринфе и в Карфагене — даже если уничтожить сенат и государственные должности и отнять землю у граждан — все же не будет недостатка в людях, способных восстановить прежний порядок и изменить все государственное устройство раньше, чем мы даже услышим об этом; но что здесь, на глазах у сената и римского народа, не может возникнуть ничего такого, что нельзя было бы полностью подавить и уничтожить еще раньше, чем оно вполне проявится и обнаружится. И действительно, события подтвердили правильность решений этих людей, преисполненных божественного разума и мудрости; ибо, после консульства Квинта Фульвия и Квинта Фабия⁸⁴, когда Капуя была окончательно побеждена и взята, в городе этом не было, уж не говорю — сделано, но даже и задумано ничего такого, что нанесло бы вред нашему государству. Впоследствии мы вели много войн с царями — Филиппом, Антиохом, Персеем, Лже-Филиппом, Аристонином, Митридатом и другими; кроме того, — много тяжелых войн с Карфагеном, Коринфом, Нуманцией; много было в нашем государстве междоусобий и мятежей, которые я обхожу молчанием; были войны с союзниками — война с Фрегеллами⁸⁵, Марсийская; во время этих войн, и междоусобных и с внешними врагами, Капуя не только не вредила нам, но даже оказывала огромные услуги, предоставляя нам все необходимое для ведения войны, снабжая наши войска и принимая их под свой кров и на своей земле. (91) В этом городе не было людей, готовых держать злонамеренные речи на сходках, призывать к мятежу при помощи постановлений сената, несправедливыми решениями вызывать смуту в государстве и искать повод для переворота. Ибо ни у кого не было возможности ни произнести речь на народной сходке, ни всенародно принять решение. Жажда славы не увлекала людей, так как там, где нет почетных государственных должностей, не может быть и жажды славы; нет и раздоров, порождаемых соперничеством или честолюбием. Ведь у них не оставалось ничего такого, из-за чего бы они могли состязаться, что они могли бы оспаривать друг у друга: не было повода к разногласиям. Таким образом, предки наши своим разумом и мудростью превратили пресловутую кампанскую заносчивость и нестерпимую надменность в склонность к полнейшему бездействию и праздности. Так они, не разрушив прекраснейшего города Италии, избежали упрека в жестокости и на очень долгое время устранили опасности; ибо они, подрезав этому городу все жилы, оставили самый город расслабленным и лишенным сил.

(XXXIV, 92) Эти соображения наших предков, о чем я уже говорил, показались Марку Бруту достойными порицания, как и Публию Руллу. А знамения и авспиции, совершенные Марком Брутом, не удерживают тебя, Публий Рулл, от подобного же неистовства? Ведь и тот, кто вывел колонию, и те, которые, по его выбору, взяли на себя государственные должности в Капуе, и те, которые сколько-нибудь участвовали в том выводе колонии, в почестях, в управлении, все подверглись жесточайшему наказанию, положенному нечестивцам. А так как я упомянул о Марке Бруте и о том времени, я расскажу вам и о том, что я видел сам, приехав в Капую после вывода туда колонии, в бытность Луция Консидия и Секста Сальция "преторами", — как они себя величали, — дабы вы поняли, насколько быстро само это место делает людей надменными. Это вполне можно было почувствовать уже в течение нескольких дней, истекших с основания там колонии. (93) Прежде всего, как я уже говорил, хотя в других колониях должностные лица назывались дуовирами, они хотели называться преторами. Если у них уже в первый год появилось такое желание, то не думаете ли вы, что они через несколько лет стали бы добиваться звания консулов? Далее, перед ними шло двое ликторов не с палками, но, как здесь у нас перед городскими преторами, со связками. На форуме были выставлены большие жертвы⁸⁶, о принесении которых эти преторы, по решению их совета, объявили с возвышения, — подобно тому, как это делаем мы, консулы; жертвы заклали в присутствии глашатая и трубача. Далее созывали "отцов-сенаторов"⁸⁷. А само выражение лица Консидия поистине было совершенно нестерпимо. Человека этого,

бесплотного от чахлой худобы,⁸⁸

вы видели в Риме презираемым всеми и забытым; видя в Капуе на его лице кампанскую спесь и царскую заносчивость, я, казалось мне, видел снова памятных нам Блоссиев и Вибеллиев⁸⁹. (94) Но каким страхом были охвачены все люди в туниках⁹⁰! И какое было на Альбанской улице и на Селласии⁹¹ стечение людей, толковавших о том, какой эдикт издал претор, где он обедал, куда сообщил о своем приезде! А нас, приехавших из Рима, называли уже не гостями, а чужестранцами, вернее, пришельцами.

(XXXV, 95) Не думаете ли вы, что людей, предвидевших все это, — я говорю о ваших предках, квириты! — мы должны почитать наравне с бессмертными богами и поклоняться им? И в самом деле, что они предвидели? То, что я прошу вас теперь рассмотреть и понять. Нравы людей определяются не столько их происхождением и их кровью, сколько всем тем, что сама природа предоставляет нам для нашей повседневной жизни, — тем, чем мы питаемся и благодаря чему мы существуем. Карфагеняне стали склонны к обману и лжи⁹² не по своему происхождению, а из-за естественных условий места, где они жили, так как они, располагая множеством гаваней, соприкасались с многочисленными купцами и пришельцами, речи которых, возбуждая в них жажду наживы, склоняли их к лжи. Лигурийцы, жители гор, суровы и дики; этому их научила сама земля, ничего не приносящая им без тщательной обработки и огромных трудов. Жители Кампании всегда гордились тучностью своей земли и богатыми урожаями, полезным для здоровья местоположением, благоустройством и красотой своего города. От этого изобилия и притока всех благ прежде всего и возникла та заносчивость, с какой Капуя потребовала от наших предков, чтобы один из консулов был из Капуи. Впоследствии возникла та склонность к роскоши, которая даже самого Ганнибала, тогда еще непобедимого оружием, победила наслаждениями. (96) Когда эти децемвиры выведут сюда, на основании закона Рулла, пять тысяч колонов и назначат сто декурионов, десятерых авгуров, шестерых понтификов, каковы будут, по вашему мнению, их гордость, наглость, дерзость? Рим, расположенный на холмах и в долинах, как бы висящий высоко в воздухе, с его многоэтажными домами, с его не слишком хорошими улицами и тесными улочками, они станут сравнивать со своей Капуей, раскинувшейся на вполне ровном месте и прекрасно расположенной, и он станет предметом их насмешек и презрения. А Ватиканские земли и Пупинскую область они, разумеется, не признают даже достойными сравнения со своими тучными и плодородными полями. Что касается множества соседних городов, то они станут сравнивать их с нашими городами только ради смеха и в шутку. Вейи, Фидены, Коллацию, клянусь Геркулесом, даже Ланувий, Арицию и Тускул⁹³ они станут сравнивать с Калами, Теаном, Неаполем, Путеолами, Кумами, Помпеями и Нуцерией. (97) По этой причине они, возгордившись и раздувшись от спеси, — если не теперь же, быть может, то, конечно, тогда, когда они с течением времени наберутся сил, — уже перестанут сдерживаться, пойдут дальше и возомнят о себе слишком много. Ведь даже каждому частному человеку, если только он не наделен глубокой мудростью, стоит большого труда при полном благополучии и большом богатстве держаться в должных границах; тем более эти люди, привлеченные и выбранные Руллом и подобными ему в качестве колонов, размещенные в Капуе, месте, где обитает надменная роскошь, не упустят случая совершить любое преступление и любую подлость; более того, они даже превзойдут исконных уроженцев Кампании, так как и последних, родившихся и воспитанных в прежних условиях благоденствия, их чрезмерное богатство все же портило, а на этих, сменивших крайне скудное существование на изобилие, будет вредно влиять не только богатство, но и непривычная для них обстановка.

(XXXVI, 98) И ты, Публий Рулл, предпочел идти по преступным следам Марка Брута, а не подражать памятникам мудрости наших предков? Вот что придумал ты вместе со своими вдохновителями: [чтобы вы разграбили] издавна поступающие доходы... [Лакуна.] и нашли возможность получать новые, создать город, который соперничал бы с Римом в своем великолепии; чтобы вы подчинили своим законам, своей судебной власти и своему владычеству города, племена, провинции, независимые народы, царей, словом, весь мир; а

после того, как вы растратите все деньги, имеющиеся в эрарии, вытянете из налогов и податей все, что возможно, соберете их со всех царей, народов и наших императоров, чтобы вы все же скупили земли тех, кто их получил благодаря милости Суллы и обречен на ненависть, заброшенные и гиблые земли своих сторонников и собственные, а потом навязали их римскому народу по цене, назначенной вам; чтобы вы заняли при посредстве новых колонов все муниципии и колонии Италии; чтобы вы устраивали колонии всюду, где только признаете нужным; (99) чтобы вы окружили все государство своими солдатами, своими городами, своими гарнизонами и держали его под своей пятой; чтобы вы могли самого Гнея Помпея, столько раз бывшего для государства оплотом и против заклятых врагов и против преступных граждан, ... [Лакуна.] победителя, лишиться возможности видеть наш народ; чтобы вы, захватив, держали под своей пятой все то, что только возможно забрать посредством золота и серебра, что можно объявить принятым на основании большинства поданных голосов, добыть насилием и оружием; чтобы вы тем временем разъезжали по всем странам, по всем царствам, облеченные высшим империем, неограниченной судебной властью, располагая всеми деньгами; чтобы вы явились в лагерь Гнея Помпея и продали, если вам будет выгодно, даже самый лагерь; чтобы вы тем временем, свободные на основании всех законов, могли без страха перед судом, без риска добиваться всех остальных государственных должностей; чтобы никто не мог ни заставить вас предстать перед лицом римского народа, ни вызвать вас в суд, ни заставить вас явиться в сенат; чтобы ни консул не мог применить к вам меры принуждения⁹⁴, ни народный трибун — вас удержать.

(100) Что вы этого пожелали при своей глупости и невоздержности, я лично не удивляюсь; что вы возымали надежду достигнуть этого именно в мое консульство, вот в чем я сильно удивлен. Если охрана государственного строя должна быть предметом большой и неусыпной заботы для всех консулов, то это особенно относится к тем из них, которые были избраны консулами не в колыбели, а на поле⁹⁵. Ни один из моих предков не давал за меня обязательств римскому народу; это доверие оказано именно мне; от меня должны вы требовать, чтобы я исполнил свой долг; меня самого должны вы к этому призывать. И подобно тому, как меня, когда я добивался избрания, не препоручал вам ни один представитель моего рода, так — если я в чем-либо погрешу — у меня нет изображений предков, которые бы стали просить вас о снисхождении ко мне. (XXXVII) Поэтому — только бы не пресеклась моя жизнь, которую я высшими ... [Лакуна]. [намерен] защищать от их преступных козней, — заверяю вас, квириды, с чистым сердцем: вы доверили дела государства бдительному, далеко не робкому, усердному человеку. (101) Неужели я — такой консул, который станет опасаться народной сходки, трепетать перед народным трибуном, часто и без оснований беспокоиться, бояться, что мне придется жить в тюрьме, если народный трибун повелит взять меня под стражу⁹⁶? Вооруженный вашим оружием, украшенный высшими знаками отличия, облеченный империем и авторитетом, я без всякого страха поднимаюсь на это место, чтобы, с вашего одобрения, дать отпор бесчестности этого человека, и не боюсь, что государство, обладая таким оплотом, может быть побеждено и оказаться под пятой у этих людей. Если бы я ранее и испытывал чувство страха, то на этой сходке, перед этим народом я, конечно, не стал бы опасаться ничего. И право, кто когда-либо уговаривал вас принять земельный закон при столь благоприятном настроении сходки, какое встретил я, чтобы отговорить вас от принятия его? Если только это значит отговорить, а не полностью уничтожить.

(102) Из всего этого можно понять, квириды, что наиболее всего народу по душе то, что я, верный народу консул, приношу вам на этот год: мир, тишина, спокойствие. То, чего вы боялись в то время, когда мы были избранными консулами, предотвращено моей разумной предусмотрительностью. Не только вы будете наслаждаться спокойствием, вы, которые всегда этого хотели; нет, даже тех людей, которым спокойствие всегда ненавистно, я успокою и утихомирю. И в самом деле, для них источником почестей, власти и богатств обычно являются мятежи и раздоры среди граждан; вы же, чье влияние зиждется на голосовании,

свобода — на законах, права — на правосудии и беспристрастии должностных лиц, обязаны всеми средствами поддерживать спокойствие. (103) Ведь люди, живущие в спокойствии и пользующиеся досугом, все же в своей позорной лени наслаждаются самим спокойствием; насколько же большим счастьем будет для вас сохранить свое нынешнее положение, достигнутое вами не бездействием, а мужеством! Это положение я также, благодаря соглашению со своим коллегой⁹⁷, — к великому неудовольствию людей, твердивших, что мы, во время своего консульства и являемся и останемся недругами, — для всех обеспечил, предусмотрел, можно сказать, восстановил. И я же объявил народным трибунам, чтобы они не вздумали во время моего консульства вызывать какие-либо беспорядки. Но наилучший и надежнейший оплот для всеобщего благополучия, квириды, — в том, чтобы то рвение, какое вы сегодня проявили на многочленной сходке, вы и впредь проявляли ради блага государства. Беру на себя ответственность, обещаю и заверяю вас: я добьюсь того, что люди, завидовавшие оказанному мне почету, все же признают, что вы все, избирая консула, проявили величайшее предвидение.

ПРИМЕЧАНИЯ

ВТОРАЯ РЕЧЬ О ЗЕМЕЛЬНОМ ЗАКОНЕ НАРОДНОГО ТРИБУНА ПУБЛИЯ СЕРВИЛИЯ РУЛЛА

1. Об изображениях предков см. прим. 38 к речи 4.
2. О "новых людях" см. прим. 83 к речи 3. Ср. речь 4, § 180 сл.
3. Из числа "новых людей" в консулы были избраны Гай Марий в 107 г., Тит Дидий в 98 г., Гай Целий Кальд в 94 г.
4. Ср. речь 13, § 17.
5. См. прим. 63 к речи 5.
6. Тайное голосование в комициях было введено Габиниевым законом в 138 г. Цицерону не пришлось ждать подсчета голосов всех центурий, так как уже до этого выяснилось, что за него проголосовало большинство центурий.
7. Ораторская трибуна на форуме. См. прим. 32 к речи 2.
8. Имеются в виду события 64 г., когда популяры с Цезарем и Крассом во главе пытались провести Катилину в консулы.
9. Об империи см. прим. 90 к речи 1. *Экстраординарным империем* (*imperium infinitum*) были облечены: Марк Антоний в 74 г. для борьбы с критскими пиратами; Гней Помпей в 67 г., для борьбы с пиратами, в силу Габиниева закона, и в 66 г., для ведения войны против Митридата VI, в силу Манилиева закона.
10. См. прим. 31 к речи 2.
11. Давая деятельности Гракхов такую высокую оценку, Цицерон, по-видимому, принимал во внимание добрую память, какую народ хранил о них. Сам Цицерон, видимо, придерживался иного мнения. Так, например, в 44 г. он писал ("Об обязанностях", II, § 43), что Гракхи, при своей жизни, не находили одобрения у честных людей и что после их смерти их относили к числу людей, убитых по справедливости. Ср. также и речь 22, § 8.
12. *Designatus*. См. прим. 12 к речи 2.
13. См. прим. 1 к речи 2.
14. *Curatio*. Заведование какой-либо областью гражданской администрации, например, состоянием дорог (*curatio viarum*).
15. Т.е. голосованием девяти триб. См. § 16 сл.
16. Домициев закон (около 103 г.) был компромиссом между религиозным правом и народовластием. Такой способ выборов восходит к 255-252 гг., когда было лишь 33 трибы, и поэтому 17 триб составляли большинство. Этот закон был отменен при Сулле и восстановлен в 63 г. по предложению трибуна Тита Лабиена.
17. По-видимому, намек на Цезаря и Красса.

18. *Наблюдатель (custos)* следил за опусканием табличек (жребиев) в урну. "Призвать трибы к голосованию" — термин.
19. *Помпей* в это время был в Антиохии. В течение всего 63 г. он был занят подавлением восстания в Иудее и организацией Сирии как римской провинции. Он возвратился в Рим в конце 62 г.
20. Таковы квестура, эдилитет и др. При соискании магистратуры кандидат мог сделать заявление (*professio*) при посредстве родных или друзей. Он должен был быть в Риме только в день выборов.
21. См. прим. 90 к речи 1. См. ниже, § 31.
22. Магистратов избирали комиции, а народных трибунов — *concilium plebis* (римский плебс в целом); 17 триб не были народным собранием.
23. *Lex centuriata de censoria potestate*; он издавался в древнейшую эпоху. Цензоры не обладали империем.
24. Трибун не был вправе вносить куриатский закон, так как не обладал правом авспиций. Цицерон нарочно говорит "велит": трибун не был вправе приказывать магистрату.
25. *Пуллари* (цыплятники) ведали священными курами, жадный клёв которых считался хорошим предзнаменованием. См. письмо *Fam.*, VI, 6, 7 (CCCCXCI).
26. Имеется в виду земельный закон Тиберия Гракха (133 г.).
27. См. прим. 145 к речи 4.
28. *Auxilium* — древнейшая обязанность трибунов: оказание помощи плебеям (впоследствии и патрициям) путем интерцессии. Эта помощь оказывалась ими также и в суде гражданском и уголовном как до вынесения решения, так и после него. При этом требовалось единогласие всех трибунов. См. прим. 57 к речи 5.
29. *Марк Туллий Декула* и *Гней Корнелий Долабелла* были консулами в 81 г.
30. *Власть трибунов*, ограниченная Суллой в 82 г., была полностью восстановлена в 70 г., в консульство Помпея и Красса.
31. Гора *Гавр* в Кампании славилась виноградниками.
32. Заросли ивняка в Лации, в устье реки Лирис, где в 88 г. скрывался Марий. Какие доходы казна извлекала из этого ивняка, неизвестно.
33. Либо дорога между Байями и Путеолами ("Геркулесова дорога"), либо дорога в Геркулан.
34. Промежуток в 18 лет между консульством Декулы и Долабеллы (81 г.) и консульством Цицерона (63 г.).
35. В подлиннике военный термин *gradus* — исходная позиция.
36. *Луций Корнелий Сулла* и *Квинт Помпей Руф* были консулами в 88 г.
37. *Вифинское царство* было в 74 г. завещано Риму царем Никомедом III.
38. Город на острове Лесбосе. После того как Сулла заключил мир с Митридатом, римлянам сдались все города Азии, за исключением Митилена. Митилены были взяты после осады и разрушены.
39. *Птолемей XII Александр II* (Алекса) воцарился в 80 г., при поддержке Суллы; царствовал всего 19 дней и был свергнут и убит. В Риме распространился слух, что Алекса завещал свое царство Риму. См. Цицерон, письмо *Fam.*, I, 1 (XCIV).
40. См. прим. 57 к речи 5.
41. *Луций Марций Филипп*, консул 91 г., оратор. См. речь 5, § 62.
42. Птолемей XIII Авлет Ноф, побочный сын Птолемея Лафира (Сотера II), отец Клеопатры.
43. Ежегодно избираемый суд в составе 105 членов; рассматривал тяжбы главным образом о наследствах.
44. В 65 г., в консульство *Луция Аврелия Котты* и *Луция Манлия Торквата*. Возможно, имеется в виду намерение Марка Лициния Красса, тогда цензора, сделать Египет данником Рима; этому воспротивился цензор Квинт Лутаций Катул.
45. Пассатные, так называемые "годовые ветры". См. письмо *Fam.*, XII, 25, 3 (DCCCXXV); Лукреций, "О природе вещей", VI, 716; Цезарь, "Записки о гражданской войне", III, 107.
46. *Legatio libera* — поездка, которую сенаторы совершали как официальные лица и на казенный счет, но по своим делам; расходы при этом несли муниципии. Как консул Цицерон

- боролся с этим обычаем; ср. "О законах", III, § 18. Цезарь ограничил свободные легатства своим законом о вымогательстве (*lex Iulia de repetundis*, 59 г.).
47. На основании Габиниева (67 г.) и Манилиева (66 г.) законов.
48. Т.е. в 66 г. Цицерон не считает ни года своей претуры, ни года своего консульства; далее он намекает на поддержку, оказанную им Манилиеву законопроекту, см. речь 5.
49. *Атталия* и *Олимп* находились в Памфилии, *Фаселида* — в Ликий, *Ороанда* — в Писидии. О Публии Сервилии см. прим. 23 к речи 3.
50. *Херсонес Фракийский*, относившийся к Пергамскому царству. Последний пергамский царь, Аттал III, в 133 г. завещал свое царство Риму.
51. Киренаика (Северная Африка) была завещана Риму в 96 г. царем Птолемеем Апионом; римская провинция с 75 г.
52. Назначенная сенатом комиссия (*decemviri ex lege Livia facti*), которая должна была вместе с полководцем решить судьбу побежденной страны. Речь идет о Сципионе Эмилиане.
53. Эта земля не должна была обрабатываться, так как считалась посвященной богине Юноне.
54. *Митридат* после полного поражения, которое ему в 62 г. нанес Помпей, удалился в Херсонес Таврический, где покончил с собой. *Меотиды* — Азовское море.
55. "*Великий*" (*Magnus*) — прозвание Помпея, перешедшее к его сыновьям.
56. Копье, как символ квиритской собственности, водружалось при аукционе, при продаже имущества в пользу казны. Отсюда выражение "*vendere sub hasta*" — продать под копьем, т.е. с аукциона.
57. Первое — ораторская трибуна на форуме, ростры; второе, возможно, — базилика.
58. Речь идет о продаже имущества проскриптов. Ср. Цицерон, речь против Верреса, II сессия, "книга" III (О хлебном деле), § 81.
59. Земли, принадлежащие римской казне (*ager publicus*).
60. Цицерон имеет в виду свою квестуру в Сицилии в 75 г. и дело Верреса. См. речи 2-4.
61. О богах-пенатах см. прим. 31 к речи 1.
62. Нумидийский царь, в 81 г. восстановленный Помпеем на престоле. *Гай Аврелий Котта* был консулом в 75 г.
63. Царь *Юба*, сын Гиempсала, сторонник Помпея, в 46 г. был разбит Цезарем под Тапсом, после чего Нумидия была сделана римской провинцией; *iuba* — по-латински грива, на чем и основан каламбур.
64. Речь идет о золоте для венка, которое наместники требовали от населения провинций, рассчитывая на триумф. Они также заставляли население провинций сооружать в их честь памятники. См. письмо Q. fr., I, 1, 26 (XXX).
65. *Гай Фабриций Лусцин*, консул 282 и 278 гг., воевал против Пирра; *Авл Аттилий Калатин* участвовал в первой пунической войне; консул 258 г., затем диктатор. *Луций Манлий Ацидин*, консул 179 г., участвовал во второй пунической войне. *Марк Порций Катон Старший*, консул 195 г., был врагом Карфагена. *Луций Фурий Фил*, консул 136 г., и *Гай Лелий Мудрый*, консул 140 г., — друзья Сципиона Эмилиана.
66. Эти земли были расположены к югу от Рима.
67. Фламиниевы ворота, через которые из Рима выезжали на север. По Аппиевой дороге (через "третьи ворота") выезжали на юг, в Капую.
68. *Массик* (Фалернская гора) — гора в Кампании, славилась винами.
69. В марте 60 г., говоря о Флавиевом земельном законе, Цицерон повторит это выражение. Ср. речи 9, § 12; 10, § 7; письмо Att., I, 19, 4 (XXV); Саллюстий, "Катилина", 37, 5.
70. *Сипонт* — город в Апулии, у моря; *Сальпин* — город в Этрурии.
71. Имеется в виду один из законов Суллы.
72. Эти земли были розданы Суллой после казни их владельцев, жителей *Пренесты*, предоставивших убежище Гаю Марию младшему. Несмотря на юридическую неотчуждаемость земли, новые владельцы передали ее крупным землевладельцам. Ср. речь 9, § 8.
73. *Кумы* и *Путеолы* были излюбленными местами отдыха римской знати.

74. Трибы перечислялись в определенном порядке; сначала четыре городских: Субурская, Палатинская, Эсквилинская, Коллинская; затем 31 сельская: на первом месте была Ромилийская, на последнем Арнская (35-я по счету).
75. *Италийская* (Союзническая, Марсийская) война 91-88 гг.
76. *Публий Корнелий Лентул*, консул 162 г., умерший в 121 г. от раны, полученной им при подавлении движения Гая Гракха. *Princeps senatus* ("первоприсутствующий в сенате") — сенатор, имя которого стояло первым в цензорском списке сенаторов.
77. *Митридат VI* захватывал провинцию Азию в 88 и 73 гг.
78. Восстание Квинта Сертория продолжалось с 80 г. до 72 г.
79. Основа земельной политики Гракхов: стремление заменить рабов, занятых на государственных землях, бывших в руках у крупных землевладельцев, римскими гражданами.
80. Т.е. владеет (possidet) арендуемой им землей.
81. Ср. Цицерон, письмо Fam., IV, 5, 4 (DLX).
82. За измену Риму во время второй пунической войны Капуя была лишена независимости и превращена в префектуру. Ее земли стали государственными. В 59 г. на основании второго земельного закона Цезаря в Капуе была основана колония ветеранов (20§ 000 человек) и созданы местные органы власти. См. прим. 68 к речи 4 и прим. 7 к речи 11.
83. *Марк Юний Брут*, отец будущего убийцы Цезаря, во время гражданской войны был на стороне Мариа младшего. В 83 г. (год его трибуната?) провел закон о выводе колонии в Капую; был казнен Помпеем в 77 г. в Цисальпийской Галлии.
84. Хронологическая ошибка: в 211 г. (год взятия Капуи) консулами были Гней Фульвий Центумал и Публий Сульпиций Гальба. Лица, названные Цицероном, были консулами в 209 г.
85. Город на реке Лирис. В 125 г. он восстал против Рима, но был взят и разрушен консулом Луцием Опимием.
86. О разных видах жертвы см. Цицерон, "О законах", II, § 29.
87. Члены совета колонии имели право только на звание декурионов. "Сенат" муниципия и колонии состоял из ста декурионов. Ср. речь 1, § 25.
88. Стих неизвестного поэта. Перевод Ф. Ф. Зелинского.
89. После взятия Капуи братья *Блосии* устроили заговор против Рима. *Вибеллий Таврея*, друг Ганнибала, покончил с собой в присутствии консула Флакка. См. Ливий, XXVII, 3.
90. Т.е. не носившие тоги, простой народ.
91. *Сепласия* — улица или площадь в Капуе, где продавались благовония. Ср. речь 18, § 19.
92. Хитрость и вероломство пунийцев (карфагенян) вошли в поговорку ("пуническая верность", Punic a fides). Ср. Цицерон, "Об обязанностях", I, § 38; Саллюстий, "Югурта", 108, 3.
93. Эти небольшие города в I в., в связи с увеличившимся значением Рима, пришли в упадок. Ср. речь 22, § 23.
94. Высшие магистраты имели право принимать *меры принуждения* (coërcitio) к гражданам, неповиновующимся закону или их распоряжениям: арест, штраф, высылка. Говоря так о народном трибуне, Цицерон допускает преувеличение.
95. На Марсовом поле. Цицерон противопоставляет себя, достигшего консульства своими личными заслугами, нобилитету. Ср. речь 4, § 180.
96. Трибун мог арестовать любое должностное лицо, за исключением диктатора. В 60 г. трибун Луций Флавий арестовал консула Квинта Цецилия Метелла Целера, противника его земельного закона.
97. По Семпрониеву закону, провинции, которыми новоизбранные консулы должны были впоследствии, по окончании своего консульства, управлять, назначались им по жребию сенатом после их избрания. Цицерону досталась Македония, Гаю Антонию — Цисальпийская Галлия. Цицерон поменялся провинциями с Антонием, уступив ему богатую Македонию. Этим он Антония, которого подозревали в сочувствии движению Катилины, удалял из Италии. Впоследствии Цицерон отказался от проконсульства в Цисальпийской Галлии.